

Борису Морозову — пятьдесят. Половина этого «срока» отдана режиссуре. Его лучшие спектакли москвичи вспоминают до сих пор: «Брысь, костлявая, брысь» и «Сирано де Бержерак» в Театре имени Станиславского, «Смотрите, кто пришел» — в Маяковке, «Я — женщина» — в Пушкинском... Последние годы Морозов провел в Малом, а на юбилей получил чисто режиссерский подарок — предложение возглавить Театр армии. И хоть военного звания новое назначение не предполагает, молва одела Морозова в «звучный» китель.

Борис Афанасьевич, как случилось, что режиссерами стали оба брата Морозовых — и вы, и Анатолий?

— Мы иногда сами удивляемся этому: то ли судьба, то ли звезда такая? Отец наш был военным, полковником, жизнь семьи складывалась из переездов с места на место. Вот одно из первых моих воспоминаний: мне пять лет, я дома в постели с воспалением легких, вокруг вся семья, и папа вслух читает нам «Горячее сердце». У него были три любимых пьесы: «Ревизор», «Лес» и «Горячее сердце». Так что можно говорить и о наследственности.

Самое-то интересное, что вначале я, младший, стал режиссером. И даже был период, когда я преподавал уже в ГИТИСе, а Анатолий, мой старший брат, был там же студентом. Хотя когда-то именно он меня, маленького, в первый раз повел на спектакль. В Театр музыкальной комедии. Было это в Виннице, где мы тогда жили. Первая любовь навсегда остается в нас — я до сих пор сезон любовью начинать с похода в Театр оперетты: такой вот экскурс в детство.

А потом был Челябинск, Политехнический институт, студенческий театр «Манекен». И тоже странно получилось. Вроде бы у его «начала» я стоял, но уже со второго спектакля театр возглавил брат. И по-настоящему основатель «Манекена», конечно, он. Анатолий тогда только приехал из Москвы, где учился в МАИ, — и вот втянулся. А я был у него одним из ведущих актеров. Первые мои режиссерские работы связаны с этим театром: Анатолий дал попробовать силы — и это определило мою судьбу. В шестьдесят восьмом году я поступил в ГИТИС, в мастерскую Андрея Алексеевича Попова, в чьем кабинете в Театре армии мы сейчас находимся с вами. А Анатолий еще долгие годы руководил «Манекеном» и делал это, на мой взгляд, мощно и талантливо. Потом его позвал Наум Юрьевич Орлов — главный режиссер Театра имени Цвиллинга в Челябинске. Я к этому времени существовал уже как профессиональный московский режиссер. Шесть лет отработал в Театре армии — это был мой первый театр. Потом — Театр имени Станиславского, дорогой и всем нам памятный, где мы — Иосиф Райхельгауз, Анатолий Васильев и я — собрались под крылом Андрея Алексеевича Попова. А позже Театр имени Маяковского и Театр имени Пушкина, и Малый... У Анатолия же — Театр имени Ленсовета и Театр сатиры в Ленинграде, то бишь Санкт-Петербурге. А теперь он «свободный художник» — ездит ставит спектакли.

После того как хлебнули студийного братства, нелегко, наверное, было существовать в профессиональном «мире кулис»?

— Трудно до сих пор, хотя это мой мир. Уже двадцать пять лет. И я постоянно ишу в нем то, что узнал в юности: студийность, единение — то, что называл бы словом «компания». По своим работам знаю: если такое человеческое единение возникает, то и результат достойный. Мой последний спектакль в Малом театре, откуда и пришел в Театр армии, — «Пир победителей» по Солженицыну — весь был согрет этим братством не просто коллег,

но и друзей. Столько было пережито вместе, что это не могло не выплеснуться на сцену.

— Профессия режиссера предполагает известную жесткость характера. Вы жесткий человек?

— Вот сейчас я сижу перед вами за столом не просто режиссера — главного. Это один

удары, а себе оставили только творчество. До сих пор помню полную горечи фразу, которую Андрей Алексеевич сказал, уходя из театра: «Робята, не знаю, сколько мне осталось, но хотелось бы в эти годы что-то еще сыграть». На его место тут же внедрился Сандро Товстоногов — и театра не стало.

На нас это сказалось очень болезненно. А главное, это нас разбросало. Тут недавно мы хоронили нашего педагога Михаила Михайловича Буткевича, снова собрались втроем, обнялись. Оказалось, с Толей Васильевым я не виделся десять лет, Иосиф — семь. И кого тут винить, кроме самих себя? Надо отда-

— Вашему приходу в Театр армии предшествовали уход Леонида Хейфеца и связанная с этим скандальная ситуация. Не испытывали сомнений, принимая новое назначение?

— Что вы, очень большие сомнения были. И прошло довольно много времени, прежде чем сказал «да». Для меня важно, что пришел сюда с завлитом Борисом Любимовым и художником Иосифом Сумбатовичем. Что до ситуации с Хейфецом, то, принимая решение, попытался прояснить ее для себя. Но она так и осталась закрытой — мне неизвестно, к чему пришло следствие.

— Вам достался ведомственный театр. Каково быть

тостью, о которой мы говорили. Параллельно будет репетировать и режиссер Александр Бурдонский — трагедию Расина «Британик». Будем приглашать и других, но называть фамилии пока не хотелось бы.

— У вас большая труппа. Удастся ли всех занять?

— Хотелось бы. Раньше актеры знали по кино, сейчас наши фильмы мало кто видит. И как быть молодым артистам? Ведь именно кино сделало популярными их старших коллег — Владимира Михайловича Зельдина, Людмилу Ивановну Касаткину, Нину Афанасьевну Сазонову, Алину Покровскую, Ларису Голубкину... Сейчас откры-

— Ваши контакты с выше-

стоящими были исключительно юмористического плана?

— В то время да. Я же не был «допущен», простой очередной молодой режиссер. Позже стало сложнее. Знаете, я вступил в партию совершенно искренне, так был воспитан. Но года через четыре начался «разгон» в Театре Станиславского, а чем дальше — тем больше. Пока я был главным режиссером Театра имени Пушкина, в стране поменялось три генеральных секретаря. Для меня самого тот период закончился рассмотрением в Краснопресненском райкоме персонального дела коммуниста Морозова, завалившего идеологическую направленность работы театра. В числе прочих был задан и вопрос: «Как коммунист Морозов оценивает работу режиссера Морозова?» Я растерялся, а за меня потрясающе ответил присутствовавший там Марк Анатольевич Захаров: «Действительно серьезный вопрос. Я сидел в зале и задумался, как бы я это разделил. И понял: если бы разделил, ни один бы спектакль не вышел». Ну а пик моих отношений с партией настал в девяностом году, после вильнюсских событий. Тогда и вышел из нее.

— Чтобы устоять в передра-гах, хорошо иметь надежный домашний тыл. Как с этим?

— У меня хороший дом. Супруга, которая имеет отношение к театру как зритель и как жена режиссера, а это немало. Она кандидат технических наук, доцент, преподает в Московском институте электронного машиностроения. У нас растут две дочери. Старшая в этом году закончила театроведческий факультет ГИТИСа, год училась в Японии, знает японский и английский языки, на «отлично» защитила диплом по современному японскому театру и сейчас сдает экзамены в аспирантуру Института искусствознания. А младшая учится в восьмом классе, очень любит бывать за кулисами со мной и, как замечаю, тянется к сцене.

— У нас театр всегда был барометром времени. Любимый намек на сиюминутную политическую ситуацию публика встречает восторженно. Это облегчает или усложняет вашу работу?

— По-всякому. Когда ставил «Горячее сердце» в Малом, пришлось, например, редактировать великого нашего драматурга Александра Николаевича Островского. Там Параша Васе Шустрому говорит: «Ты, Вася, как вот тебя выпустят, как обучишься солдатом, то сразу на Кавказ и на войну. И старайся ты там убить побольше». Когда спектакль только вышел, эта фраза вызвала в зале хохот, потом смеяться перестали, а после Чечни такое произносить стало невозможно. И дело тут не в театре или в пьесе, дело — в жизни.

— Если бы пришлось ставить спектакль о нашей сегодняшней жизни, какой жанр вы бы избрали?

— Трагифарс. Не знаю, что будет завтра, и с этим ощущением живу. Зато не грозит перспектива стать вдруг успокоившимся. Честно говоря, мой переход в Театр армии был отчасти продиктован и этим: в Малом мне ведь было хорошо. Но и тут может и должно быть хорошо, хоть театр и переживает сейчас аховую ситуацию. Просто не нужно мириться с условиями, которые навязывает жизнь: существуем — и существуем себе, это страшно! И, знаете, позови меня главным режиссером другой театр, не знаю, согласился бы я. А тут я пришел, откуда вышел. Вернулся на круги своя...

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Андрея СТРУНИНА.

РЕЖИССЕР В «ГЕНЕРАЛЬСКОМ» МУНДИРЕ

раз уже было в моей жизни — в Театре Пушкина. Но и тогда, и сейчас не могу ответить однозначно: «Да, я жесткий человек». Так трудно разделить, где нужно быть таким, а где — нет. По мне, жесткость — не всеобъемлющее режиссерское качество. Однако совсем без нее не обойтись. Особенно если тебе достался разлаженный «механизм».

— На «механизмы» такого рода вам всегда везло: взять хотя бы Театр имени Станиславского. Там после великопленного взлета вашей режиссерской тройцы, руководимой Андреем Поповым, быстро дали понять, что инициатива наказуема. Как сейчас оцениваете тот период?

— Это лучшие годы нашей жизни — и Райхельгауза, и Васильева, и моей. Мы тогда были легкомысленно расточительны, купались в эйфории, потому что вдруг ворвались в дело, которое нам подарил наш учитель. Тогда вышло пресловутое постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», и по большому счету единственным, кто как честный человек и истинный художник на него откликнулся, был Андрей Алексеевич Попов. Он согласился возглавить Театр имени Станиславского с одним условием: беру с собой трех учеников.

Но новая наша попытка была разбита, разрушена. Естественно, руку к этому приложило главное управление культуры во главе с МК партии. Аргумент был убийный: «Не хватало нам второй Таганки!» Тут и наша вина была — мы по-ученически эгоцентрично подошли к личности нашего учителя. Исползовали его как некий щит, который всегда должен быть впереди нас, принимать все

должное нашему объединяющему центру — Райхельгаузу: меня он убедил прийти на постановку спектакля «Миссис Лев» в его Школу современной пьесы. И до сих пор мечтает собрать в одном спектакле прежних актеров из Театра Станиславского, которые сейчас разбрелись по всей Москве.

— Поднимать театр из руин — то же, что реанимировать покойника. Стоит ли овчинка выделки?

— Если твоя задача — реанимировать, то, наверное, не стоит. Нужна новая жизнь. Хотя naïвно думать, что вот я пришел в Театр армии и буду декларировать свои идеи, не учитывая ни прошлого коллектива, ни его сегодняшнего состояния. Это было бы неумно и неправильно. Меня вот весь октябрь дома не было — смотрел текущий репертуар, чтобы понять: что дальше? Я ведь вернулся в этот театр спустя много лет — и люди другие, и время другое, да и сам я изменился. С возрастом, как у боксера, возрастает способность держать удары. Это не значит, что тебе не больно, просто «мускулатура» другая. Да и более терпимым становишься, что вовсе не означает конформизма или беспринципности. Просто начинаешь понимать, что рядом с тобой существует жизнь со всеми ее противоречиями.

— Одно дело — быть режиссером, другое — главным. Какие качества предполагает эта должность?

— Думать о театре, а не о спектакле.

— И удается?

— Я подписал контракт на пять лет. С Министерством обороны. Значит, в двухтысячном году и смогу вам ответить.

под Министерством обороны?

— Мы — при Министерстве обороны. Мой контракт подписал генерал-лейтенант Здориков. Теперь все друзья меня спрашивают: «А ты по званию кто?» Я смеюсь: «Ну да, сейчас лампасы нашью!» У нас же всего этого нет. Есть генерал-майор Виктор Иванович Якимов, начальник театра; не будь его, может, я сюда и не пришел бы: мы хорошо знакомы. Вот, пожалуй, и все. Когда же интересуются, будем ли ставить военные пьесы, отвечаю: «Да. Но только качественные и высокохудожественные. «Три сестры», например, или «Дни Турбиных»... И любую заявку готовы рассматривать исходя из этого уровня. Если Театр армии будет интересен зрителям — уже прекрасно.

— А как обстоят дела в материальном плане?

— Тяжело. И не только в творческом цехе, но и в постановочном. Может, и была бы возможность пригласить кого-то из специалистов, но на что? Сейчас же люди спрашивают: «А сколько я буду получать?» И самая большая проблема для меня — как совместить творческий рынок с материальными возможностями?

— Надеетесь «прорваться»?

— На сборе труппы я заявил три ближайшие премьеры. На Большой сцене — «Много шума из ничего» Шекспира. Из Малой — «Сердце не камень» Островского. А еще — «На дне» Горького, вот только дату выпуска этого спектакля скорректировать пока сложно.

— И кто все это будет ставить?

— Я. Чем быстрее приду в репетиционный зал, тем быстрее будут аргументированы мои поступки, слова, та жес-